

RU

Поствоенный социум в романе В. Вульф «Миссис Дэллоуэй»: проблема репрезентации этнокультурной травмы в оригинальном тексте, русском и армянском переводах

Гаспарян Л. А., Полубояринова Л. Н.

Аннотация. Цель исследования – выявить на материале романа В. Вульф «Миссис Дэллоуэй» и его русского и армянского переводов специфику репрезентации травматического опыта, связанного с этнокультурными конфликтами. Гипотеза исследования состоит в предположении о фигуре свидетеля (инстанции свидетельствования), с необходимостью присутствующей в тексте подобного рода на авторском уровне или на уровне сознания персонажа. В ситуации художественного перевода как культурного трансфера функция «свидетельствования» в разной мере может осознаваться и реализовываться переводчиком, что порождает варианты «преломления» авторской интенции. На основании анализа текста и контекстуальных источников делается вывод о том, что функция свидетельствования как рефлексии по поводу этнокультурной травмы в «Миссис Дэллоуэй» реализуется авторской инстанцией, в то время как героиня данный момент полностью игнорирует. Исследуемые переводы романа – русский и армянский – дают различные варианты переводческих преломлений. Специфика подобного преломления, как оно реализуется в рамках британо-русско-армянского трансфера литературных элементов, обозначена впервые, что составляет научную новизну данного исследования. На конкретных текстовых примерах демонстрируется готовность целевой культуры к восприятию исходных социокультурных элементов и/или к их переводческому видоизменению. В соответствии с целью исследования при анализе оригинала и переводов особое внимание уделяется экстратекстуальным (контекстуальным) факторам: исторический период, историко-культурные ценности, этнокультурные травмы, цель перевода / не перевода и т. д. В результате показано, что, синтезируя через парадигму художественной литературы объективную реальность межвоенного периода, Вульф в романе «Миссис Дэллоуэй» создает матрицу, которая, при перенесении в другие контексты, может обладать особенной, незапрограммированной автором чувствительностью. Сравнение подобных потенциально чувствительных элементов романа, как они даны в оригинале и переводе, позволяет выявить трансформации, обусловленные историко-культурным, политическим и психологическим фоном целевой культуры.

EN

Post-war society in Virginia Woolf's "Mrs. Dalloway": the problem of representing ethno-cultural trauma in the original text, Russian and Armenian translations

L. A. Gasparyan, L. N. Poluboyarinova

Abstract. The aim of this research is to identify, using Virginia Woolf's novel "Mrs. Dalloway" and its Russian and Armenian translations, the specific characteristics of the representation of traumatic experiences related to ethno-cultural conflicts. The hypothesis of the study lies in the assumption of a witness figure (an instance of providing a testimony), necessarily present in such texts at the authorial level or at the level of a character's consciousness. In the situation of literary translation as a cultural transfer, the function of "testimony" may be consciously realized by the translator to varying degrees, which gives rise to variants of "refraction" of the author's intention. Based on an analysis of the text and contextual sources, it is concluded that the witnessing function as a reflection on ethno-cultural trauma in "Mrs. Dalloway" is realized by the authorial instance, while the heroine completely ignores this aspect. The studied translations of the novel – Russian and Armenian – offer different versions of translational refractions. The specificity of such refraction, as it is realized within the framework of the British-Russian-Armenian transfer of literary elements, is identified for the first time, which constitutes the scholarly novelty of this research. Concrete textual examples demonstrate the readiness of the target culture to perceive the source socio-cultural

elements and/or to their translational modification. In accordance with the aim of the study, the analysis of the original and translations pays particular attention to extra-textual (contextual) factors: historical period, historical and cultural values, ethno-cultural traumas, the purpose of translation/non-translation, etc. As a result, it is shown that, synthesizing the objective reality of the interwar period through the paradigm of fiction, Woolf creates a matrix in the novel "Mrs. Dalloway" which, when transferred to other contexts, may possess a special, unplanned-by-the-author sensitivity. Comparing such potentially sensitive elements of the novel, as they are given in the original and translation, allows us to identify transformations caused by the historical-cultural, political, and psychological background of the target culture.

Введение

Современную филологию отличает интерес к динамике и механизмам бытования культурных артефактов в контексте мировой литературы, как они описываются авторитетной концепцией культурного трансфера. Особое значение в данной связи получает сама траектория культурных взаимосвязей, отражающая процесс «импортирования» культурных элементов и/или их видоизменения в силу этнокультурологических факторов целевой реалии (Эспань, 2018). Изучение процесса культурного трансфера на материале романа В. Вульф «Миссис Дэллоуэй» в русском и армянском переводах позволит выявить ключевые ориентиры обозначенных трансформаций.

Актуальность исследования связана с насущной проблемой репрезентации литературой травматического исторического опыта. Будучи сформулированной после Второй мировой войны философом Т. Адорно как «невозможность поэзии после Освенцима», данная проблема сохраняет остроту и в настоящее время. Ее актуальность связана, во-первых, с неизжитостью и неизбытостью травматического опыта XX века, приобретающего черты и параметры «постпамяти» (Hirsch, 2012), и, во-вторых, с наличием текущих этнокультурных конфликтов, воплощение которых в художественной литературе как «говoreния о травме» – задача будущего.

Сформулированная выше цель определяет конкретные задачи статьи, а именно:

- обозначить спектр вопросов, связанных с отражением поствоенного социума и этнокультурной травмы в романе В. Вульф «Миссис Дэллоуэй»;
- определить специфику репрезентации «армянской» темы в данном произведении;
- проанализировать на конкретных примерах специфику культурного трансфера в русском и армянском переводах и векторы их трансформации (или прямой трансляции).

При решении поставленных задач методологическими основаниями исследования выступают теория и методология культурного трансфера в той своей части, которая нацелена на сопоставительный анализ поэтики художественных текстов; методы сравнительного литературоведения, литературоведческого психоанализа и «обратного перевода» как перевода «с культуры на культуру и обратно» (Михайлов, 2000).

Основным материалом исследования выступили следующие работы:

- Woolf V. Mrs Dalloway. L.: Vintage Classic Library, 2000.
- Вульф В. Миссис Дэллоуэй / пер. с англ. Е. Суриц. М.: АСТ, 2019.
- Հուլֆ Վ. Միսիս Դէլլուէյ / անգլերէնից թարգմանութիւնը՝ Վահէ Արսէնի. Երևան: «Զանգակ», 2021.
- Woolf V. The Diary of Virginia Woolf: in 5 vols. L.: Penguin, 1977. Vol. 5.

Теоретическую базу исследования составили работы, посвященные специфике модернистских практик письма (Virginia Woolf and Trauma..., 2007; Smith, 2022), репрезентации этнокультурной травмы (Tate, 1994; Barrows, 2013), а также влиянию русской культуры на творчество Вульф (Rubenstein, 2009).

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов, в частности касающихся механизмов культурного трансфера, при разработке курсов по сравнительному литературоведению, а также при создании учебно-методических пособий по зарубежной литературе.

Обсуждение и результаты

Признанный мастер модернистского «потока сознания» Вирджиния Вульф одновременно прочно укоренена в викторианской культуре. Не будет ошибкой сказать, что ее произведения образуют естественный переходный мостик между поздней или неовикторианской эпохой с одной стороны и модернизмом с другой. Двойная обусловленность творений Вульф «старым», идущим из XIX века, и «новым», связанным с веком XX, содержанием культуры объясняется несколькими важными обстоятельствами. Отметим лишь два из них. Происходя из семьи с традиционным укладом, Вульф подсознательно отражает викторианские ценности в своем творчестве. Например, отношения главной героини романа «Миссис Дэллоуэй» с мужем вполне вписываются в парадигму прочного викторианского брака, символическим прообразом которого для англичан в XIX в. стала семья самой королевы Виктории. Второй пример – ориентация писательницы на русскую литературную классику XIX в. Как известно, Вульф обожала русскую литературу и изучала русский язык. Русская культура открывает для английского автора новые горизонты, например в организации хронотопа (как известно, в частности, у Достоевского хронотопы сложны и многообразны), или в описании психосоматических состояний персонажа, подчас противоречивых, отражающих тайны человеческой природы и т. д. Вульф ссылается на новаторские представления русских классиков о мечтательности (reverie), ассоциативных процессах и «вуалированных» механизмах «потока сознания» в повествовании. В центре повествования у Вульф – человек,

и ее творчество можно описать как антропологически-психологический реализм, в котором через парадигму литературного импрессионизма очевиден выход к тому, что называют объективной реальностью с ее референциальностью. В статье "Reading over Shoulder: Virginia Woolf Reads Anna Karenina" Р. Рубенштейн (Rubenstein, 2009) отмечает, что Вульф трижды внимательно читала роман Л. Толстого: в 1909-1911 гг., 1926 г., 1929 г. Ее неопубликованные заметки на полях книги романа «Анна Каренина», а также ссылки на роман в ее переписке и дневниках отражают увлечение этим шедевром русской литературы. По мнению критика, поучительно читать русского классика, заглядывая через плечо Вульф (образно говоря – Reading over shoulder of Virginia Woolf), чтобы узнать, какие технические элементы романа Толстого повлияли на писательницу. В частности, в пометах Вульф на полях книги читаем: «Сила проникновения в характер настолько велика, что кажется, он [Толстой. – Л. Г., Л. П.], предвосхищая эмоции, уже не осознает их после того, как они были пережиты. Некоторые сцены и отрывки, таким образом, оставляют глубокий след, подобно ситуациям, свидетелем которых вдруг лично стал на секунду, находясь среди живых людей» (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – Л. Г., Л. П.) (Цит. по: Rubenstein, 2009, p. 76). Одним из многих успешных приемов искусства Толстого, по мнению Вульф, является метод индивидуализации персонажей посредством небольших, но заметных особенностей, таких как раздражающая привычка Алексея Каренина хрустеть костяшками пальцев. Обращая внимание на данную деталь, Р. Рубенштейн проводит параллель с раздражающей привычкой Питера Уолша (персонажа из романа Вульф «Миссис Дэллоуэй»), который иногда вынимает и раскрывает свой карманный нож (Rubenstein, 2009). Таким образом, на примере внимания Вульф к русской классике очевидно, что творческая «кухня» писательницы продуктивно перерабатывает элементы поэтики классического реализма, опознавая их как потенциально продуктивные модернистские приемы.

Данное исследование делает акцент на некоторых репрезентативных для эпохи «реалистических», референциальных моментах модернистского романа Вульф «Миссис Дэллоуэй» (1925), значимость которых становится тем очевиднее в переводах.

Первая мировая война и в дальнейшем послевоенная травма/депрессия потрясли весь мир – социально-исторический фактор, который отражается в творчестве Вульф. По мнению Малкольма Брэдбери (Bradbury, 1993), мировые войны действительно сформировали художественные и эстетические принципы периода модернизма и модернистского движения, помогли обеспечить дискурс и формы грядущего мира через призму абстракции, коллажа, фрагментаций, истории с опорой на дегуманизацию и хаос. Сама писательница, как известно, также страдала от глубокой депрессии, и это обстоятельство оказало серьезное влияние на ее творчество и на формирование характерных черт персонажей. В рамках викторианского периода и вплоть до Первой мировой войны британская литература (как и в целом мировая литература) отражала психопатологические отклонения личности скорее на локально-социальном и бытовом уровне (алкоголизм, азартные игры, психические расстройства вследствие преступлений или наследственной предрасположенности к патологии, а также некоторых травмирующих эпизодов в детстве и т. д.). В частности, Ч. Диккенс в последние десятилетия своей литературной жизни посещал психиатрические больницы, изучал поведение людей с психическими расстройствами и отражал клинические проявления таковых в своих заметках. Так, например, в рассказе "Drunkard's Death" («Смерть пьяницы»), впервые опубликованном во втором сборнике «Очерков Боза» ("Sketches by Boz") в 1836 году, наглядно изображены соматические и психические последствия злоупотребления алкоголем. Для создания подлинного героя с реалистичным физическим, умственным и моральным образом – «закоренелого и непоправимого пьяницы», автор прибегает к изучению научных источников и консультируется с профессионалами в области психопатологии. Из этого же ряда – эпизод "A Madman's Manuscript" из «Записок Пиквикского клуба» (Глава XI), в котором представлены патологические симптомы психически больных людей, которые при отсутствии соответствующего лечения становятся неуправляемыми.

Однако, делая акцент на социально «проблемном» изводе девиантных явлений психики, викторианцы тем самым отодвигают на второй план важность психиатрии и психоанализа, тогда как литература периода модернизма, перенося фокус вовнутрь, представляет собой новую эпоху в репрезентации психопатологической проблематики. В особой степени это касается В. Вульф, тонко чувствовавшей и отражавшей в письме травматизм мировой истории и личной биографии. В труде «Вирджиния Вульф и травма: воплощенные тексты» ("Virginia Woolf and Trauma: Embodied Texts", 2007) С. Хенке и Д. Эберли (Virginia Woolf and Trauma..., 2007, p. 14-15) подчеркивают, что в случае Вульф творческий процесс создания романа или эссе по большей части имел психотерапевтическую функцию; исследователи называют последнюю «скриптотерапией» ("scriptotherapy") – исцелением через творчество.

«Скриптотерапия» Вульф несомненно имеет точки соприкосновения с учением Зигмунда Фрейда, одним из первых предпринявшим попытку систематического изучения травмы и ее последствий. Схождение это особенно очевидно, например, в эссе «Скорбь и меланхолия» (1917), в котором Фрейд анализирует также влияние исторических событий на память и психологию (Freud, 1957). Основным источником скорби и меланхолии как близких, но не идентичных психических реакций Фрейд считает утрату субъектом некоего объекта личной привязанности. Тем не менее продуцировать скорбь и меланхолию оказываются способными также некие внешние объекты, взятые как дискурсивные сущности: «Скорбь, как правило, является реакцией на утрату любимого человека или какой-либо помещенной на его место абстракции, например Родины, свободы, идеала и т. д. При одном и том же воздействии у некоторых людей... вместо скорби проявляется меланхолия» (Фрейд, 1917).

Таким образом, скорбь и даже меланхолия как травматические реакции могут, по Фрейду, выступать эффектом в том числе и социополитических потрясений. В дальнейшем предполагается рассмотреть «точку

вхождения» в модернистский роман Вульф, отмеченный априори поствоенным синдромом, одной такой конкретной травматичной исторической реалии – геноцида армян, а также проанализировать семиотическую трансформацию данного пассажа в русском и армянском переводах произведения.

Характерные для процесса культурного трансфера семиотические сдвиги – интерпретационные «преломления» – обнаруживаются в обоих переводах «Миссис Дэллоуэй», русском и армянском. Безусловно, тематика послевоенной травмы имеет обширный диапазон рецепции, однако исторический и психологический момент ее передачи в переводах реализуется за счет травматических восприятий, ценностей и норм целевой культуры. Русский перевод романа был осуществлен Е. Суриц (Вульф, 2019) в 1984 г., а армянский перевод Ваге Арсена выходит в издательстве «Зангак» в 2021 году.

В основе романа Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» лежит один день из жизни героев. Сюжет развивается вокруг двух персонажей, которые в повествовании имеют достаточно мало общего: Кларисса Дэллоуэй – героиня романа, принадлежащая к высшему кругу, старается сбалансировать свою внутреннюю сущность с внешним миром. Ее мир состоит из бытовых и светских хлопот, таких как высокая мода, вечеринки и прием гостей, разговоры о бытовых делах, хотя ее психологическая суть всегда в процессе поиска самой себя и более глубокого смысла жизни. Внутренняя фокализация повествования на сознании Клариссы как сознании женском принципиально важна для репрезентации латентно травматичного поствоенного времени (Tate, 1994, p. 469-470). Септимус Смит, напротив, – носитель сознания маскулинного. Он ветеран Великой войны, страдающий от контузии и находящийся в состоянии глубокой послевоенной депрессии. Вначале он как будто романтизирует войну, добровольно идет на службу, считая своей обязанностью защищать Англию, страну Уильяма Шекспира и мисс Изабель Поул, преподавателя, в которую Септимус в ту пору был влюблен. Вульф выступает новатором, описывая послевоенную психологическую травму с применением техники «потока сознания», посредством которой читатель погружается в психологический мир героя, попутно воспринимая и клинические симптомы заболеваний, которые до тех пор были маргинализированы в сфере литературы.

Повествование романа является свидетельством и плодом исторического кризиса, новая художественная форма становится одновременно и матрицей (само)познания человека в контексте поствоенной травмы. Психологический реализм периода, где особое внимание уделено «потоку сознания», направлен на представление когнитивной стороны литературы – поврежденной психики Септимуса после войны и раскрытие историко-психологического пласта общества данного периода через парадигму художественных персонажей. Итак, главные герои романа Кларисса и Септимус даны как носители фрагментированного «потока сознания», поскольку их мысли перемещаются в пространственно-временном диапазоне – из прошлого в настоящее и обратно. Ни один персонаж не контролирует действий «потока сознания» и, соответственно, не пытается собрать свои мысли в единое хронологическое целое (Herman, 1992; Woolf, 1977).

Тем не менее на читательском уровне подобная хронология, как и собственно исторический фон, выстраиваются. Как известно, период модернизма становится ключевым для экспериментального отражения историко-политических фактов в художественной литературе: именно модернисты остро осознают необходимость вовлечения фактов в матрицу новаторской формы повествования – как свидетельства (*narrative as testimony*), чтобы не просто документировать, но и переосмыслить и фактически (ре)интерпретировать историю, став литературным свидетелем. Именно поэтому, несмотря на то обстоятельство, что Клариссу мало интересуют мировые геополитические установки, в одном из эпизодов – достаточно неожиданно – раскрываются реалии мирового порядка: Мистер Дэллоуэй спешит в палату общин для обсуждения некоего вопроса, касающегося армянского этноса. Интерес представляет то, как данное обстоятельство «пропущено» автором через «поток сознания» Клариссы Дэллоуэй.

He was already halfway to the House of Commons, to his Armenians, his Albanians, having settled her on the sofa, looking at his roses. And people would say, “Clarissa Dalloway is spoilt.” She cared much more for her roses than for the Armenians. Hunted out of existence, maimed, frozen, the victims of cruelty and injustice (she had heard Richard say so over and over again) – no, she could feel nothing for the Albanians, or was it the Armenians? but she loved her roses (didn’t that help the Armenians?) – the only flowers she could bear to see cut (Woolf, 2000, p. 106).

Сейчас он уже на полпути к палате общин, спешит к своим армянам, к своим славянам, устроив ее на кушетке, лицом к розам. А ведь кто-то скажет: “Кларисса Дэллоуэй – неженка”. Да, ей куда больше нравятся ее розы, чем армяне. Гонимые, преследуемые, истязаемые, окоченелые, жертвы жестокости и несправедливости (Ричард сто раз говорил), нет, ей совершенно безразличны славяне – или армяне? Зато розы ей радуют сердце (ведь и для армян эдак лучше, не правда ли?) – единственные цветы, которые не противно видеть срезанными с куста. А Ричард уже в палате общин; он в своем комитете, и все ее затруднения он тоже уладил (Вульф, 2019, с. 157).

Հիմա նա արդեն կես ճանապարհին էր դեպի Համայնքների պալատ, դեպի իր հայերը, իր ալբանացիները՝ իրեն թողնելով բազմոցին, ծաղիկներին դեմ հանդիման: Ու մարդիկ կասեն. «Քլարիսա Դելլոուեյը եսասերի մեկն է»: Նրան ավելի շատ իր վարդերն են մտահոգում, քան հայերը: Բնաջնջումից մազապուրծ, հաշմված, ցրտահար, զոհեր վայրագությունների ու անարդարության (հազար ու մի անգամ Բիչըրդը լսել էր դրա մասին) – ո՛չ, ինքը ոչինչ չէր զգում ալբանացիների հանդեպ, թե՛ հայերի, բայց ինքը սիրում էր իր վարդերը (դա կոգնե՛ր հայերին) – միակ ծաղիկը, որ իր աչքին հաճո էր կտրված վիճակում: (Վուլֆ, 2021, թ. էջ 152).

Действие романа «Миссис Дэллоуэй» вращается вокруг непростого периода в жизни послевоенной Европы: середина июня 1923 года – время тревожных и глубоких перемен как на внутренней, так и на международной

политической арене (Tate, 1994; Zwerdling, 1986). Согласно Т. Тейт (Tate, 1994), именно в этот период армянский вопрос широко обсуждается в прессе (Nation and Athenaeum, The Times и т. д.) в контексте жизненно важных вопросов о правах человека и квазиимперских обязанностях Британии. Представляя весь исторический процесс данного периода, Тейт (Tate, 1994) подчеркивает, что в 1878 году между Турцией и Россией был заключен Сан-Стефанский договор. По договору армянские земли и население вошли в сферу влияния России, что, по мнению многих историков, было одной из важных гарантий безопасности армянского народа. Однако Британия восприняла это соглашение как угрозу своим интересам в регионе и вынудила пересмотреть договор с целью сохранить армянские земли в составе Османской империи. Взамен Британия обязалась провести политическую реформу в Турции и предотвратить дальнейшее угнетение населения, что привело к серьезным последствиям. Ссылаясь на ряд историков (J. M. Winter, Lloyd George, Arnold Toynbee), Тейт (Tate, 1994) отмечает последствия данного пересмотра, вылившиеся в первый акт геноцида в XX веке (1915 г.), и то, что геноцид турок против армян послужил впоследствии моделью для нацистов в Германии. Британия частично ответственна за этот результат. После окончания Первой мировой войны Великобритания и ее союзники вступили в сложные переговоры с Турцией по вопросу распада Османской империи, кульминацией которых стали Лондонская и Лозаннская мирные конференции 1920 и 1923 годов. Армянский вопрос фактически был вычеркнут из повестки Лозаннского договора (Tate, 1994).

Как справедливо отмечает Т. Тейт (Tate, 1994), поверхностное и нивелирующее отношение главной героини к армянской и балканской (албанцы) проблематике делает ее объектом сатирической авторской рефлексии. Инфантильное и «циничное» игнорирование Клариссой проблем «армян» и «албанцев» «используется как оправдание отказа от взрослой ответственности. Прогрессивная риторика прикрывает абсолютный консерватизм, носитель которого отказывается даже думать о страданиях беженцев, не говоря уже о том, чтобы реагировать на них» (Tate, 1994, р. 471). И в этом смысле «Миссис Дэллоуэй» может быть прочитана как «роман о послевоенном самодовольстве, круговой поруке» (Tate, 1994, р. 469) и последовательном «вытеснении» поствоенного травматизма (Lopez, 2024, р. 172).

Иным – а именно связанным с серьезной, «взрослой» установкой «свидетельства» был интерес автора – Вирджинии Вульф – к историко-политическому поствоенному синдрому, в том числе к армянскому вопросу (Tate, 1994, р. 472–474). К последнему Вульф «завуалированно» обращается лишь спустя десятилетие (в 1925 г.): завершающие дебаты о нем пришлось на время создания романа (1923). Дело также и в том, что целый комплекс геополитических, социально-моральных вопросов, не получив после Первой мировой войны своего «относительно» справедливого, объективного и сбалансированного решения, актуализируется именно в 1920-е гг. Свидетельство тому – тематика журнала “Nation and Athenaeum”, главным редактором которого в 1923–1929 гг. был супруг В. Вульф Леонард и для которого она сама написала ряд статей (Tate, 1994, р. 472), в частности активно критикующих британский империализм (O'Neill, 2023, р. 62–63). Соответственно, спустя менее чем два десятилетия эти «нерешенные» вопросы обостряются вновь, что приводит к началу Второй мировой войны. Заинтересованность по отношению к армянам и армянскому вопросу, безусловно, коррелирует и с личной проблематикой В. Вульф, муж которой был евреем. Уже в 1920-е гг. в европейских странах ощущается первая волна антисемитизма. Позже Вульф публикует работу “Three Guinea” (1938), в которой подвергает критике нацистский режим и распространение его ячеек в некоторых европейских странах. Как известно, страх за мужа стал одним из мотивов самоубийства писательницы в 1941 г.

Рассуждая в контексте «эстетики травмы» о нарративизации травматического опыта XX века в художественной литературе, М. П. Фокеева напрямую соотносит категорию истинности в искусстве «с культурной ответственностью, выраженной в интенции по восполнению пустот в исторической памяти, возникших вследствие исторической травмы» (2019, с. 120). Центральная роль при репрезентации исторической травмы отводится при этом «новой фигуре текста» – «фигуре свидетеля», «гарантирующей истинность в произведении искусства»: «Реальный свидетель в обстоятельствах репрезентации своего свидетельства становится автором, и это авторство также сопровождается большой ответственностью, возникающей в связи с необходимостью утверждения подлинности его речи или письма» (Фокеева, 2019, с. 120).

С очевидностью инстанция автора в «Миссис Дэллоуэй», в отличие от репрезентируемого инфантильного сознания главной героини, не отказывается от позиции «свидетельствования» в рамках реально доступной этой инстанции информации о травматическом опыте «армян» и «албанцев». Однако при перенесении произведения в другой историко-культурный контекст в рамках литературного трансфера данная функция «свидетельствования» в отношении «чувствительных» моментов травматического опыта с неизбежностью ложится на плечи переводчика. Именно его «свидетельствование» или «несвидетельствование» предопределяет рецепцию отмеченных выше пассажей в целевом культурном контексте. Остановимся на конкретных примерах.

При сопоставлении оригинала и переводов в последних удалось выявить ряд историко-культурных интерпретационных преобразований с опорой на геополитический узус. В русском варианте перевода, который был сделан в 1984 году, единица «албанцы» видоизменилось на «славяне», что, по-видимому, весьма объективно наводит читателя на мысль, что славяне, особенно на Балканах (да и не только) также подвергались преследованиям, хотя в романе «Миссис Дэллоуэй» не упоминается «исполнитель» жестокости и несправедливости. Немаловажен тот факт, что переводчик Елена Суриц (Вульф, 2019) в рамках собственного «свидетельствования» исключает из русского контекста единицу «албанцы», но не «армяне», что можно рассматривать как высококонцентрированную, однако «завуалированную» историко-политическую информацию с опорой на фундаментальные

знания целевого читателя. По мысли Н. К. Гарбовского (2010), переводчик интерпретирует, переосмысливает текст оригинала, и лишь затем, через парадигму собственного опыта конструирует перевод. Одновременно необходимо учитывать и критерии трансфера, в рамках которых особое внимание уделяется «локальной» (определяемой конкретным контекстом) интенции – «скопосу» (Reiß, Vermeer, 2014).

В британском первоисточнике несколько раз упоминаются единицы «армяне» и «албанцы» (**to his Armenians, his Albanians**), которые, как мы пытались показать выше, наверняка не могли быть случайными в контексте Вульф. С лингвистической точки зрения немаловажную роль сыграло предположительно само созвучие этих двух слов, состоящих из одинакового количества слогов и начинающихся с одной гласной: Armenians – Albanians. В контексте размышлений миссис Дэллоуэй, однако, эти два этнонима звучат столь же нивелирующе, как «болгары» и «авары», войну между которыми Вольтер гротескно инсценирует в своем «Кандиде» (1767). Тем не менее упоминание «албанцев» в «армянском» контексте у Вульф неслучайно. При этом речь идет не об албанском балканском этносе, пострадавшем в период греко-турецкого конфликта, как ошибочно трактует Т. Тейт (Tate, 1994, p. 472), но о так называемых кавказских албанцах (албанах), народе, по свидетельствам античных и арабских историков, обитавшем на Кавказе до VII в. н. э. в соседних с армянами регионах, однако так и не оформившемся в самостоятельный этнос (Тревер, 1959; Dudwick, 1990). Предположительно, упоминание албанцев в «Миссис Дэллоуэй» связано с имевшим хождение уже в 1920-х гг. тезисе об «албанцах» как коренных жителях территории Южного Кавказа, в частности Нагорного Карабаха, который, кстати, широко распространен в политизированной дискуссии об этих землях и в настоящее время. (Ср. две противоположные точки зрения на данный вопрос в работах (Imranly, 2007, p. 7) и (Galichian, 2009, p. 33-34).)

Не будучи «считываемым» в тексте Вульф, упоминание о (кавказских) албанцах становится потенциально болезненным при перенесении в армянский контекст. Так, в армянском переводе, изданном в 2021 г., дословно отображаются обе единицы – как «армяне», так и «албанцы» – без комментариев переводчика, что с неизбежностью наводит на двойственные размышления. Соответственно, возможно сделать вывод о «(не)погруженности» переводчика в стратегически важные моменты трансфера, тем более что перевод создавался для армянской аудитории послевоенного периода. В то же время напрашивается предположение о подключении переводческой «самоцензуры» как сознательного отказа от «свидетельствования».

Данное предположение подтверждается при сравнении переводов дальнейшего пассажа «Миссис Дэллоуэй», также связанного с армянским вопросом и характеризующего социально-политическую и историческую компетенцию Клариссы: *She muddled Armenians and Turks. / He в силах отличить армян от турок. / Իր համար նրանք էին հայերն ու թուրքերը*. В армянском переводе очевиден семиотический сдвиг, на первый взгляд, легкий, однако небезболезненный для восприятия данной формулировки в армянском контексте. Единица *muddle*, которую Елена Суриц (Вульф, 2019) переводит как *не отличать*, подчеркивая, что «есть отличия», переводится Ваге Арсеном (даем дословный перевод на русский) как: *для нее армяне и турки были одним и тем же* (то есть идентичным народом). В данном случае мы имеем дело с потенциально, особенно для армянской аудитории, политически нагруженным высказыванием, что дополнительно подтверждает предположение о принципиальной позиции «несвидетельствования», занятой армянским переводчиком.

Позиция «несвидетельствования», типичная для значительной части британского общества, становится внутри страны объектом критики со стороны прессы, которая в межвоенный период довольно часто поднимает вопрос о серьезных последствиях британских колониальных амбиций и «дикого» капитализма. В частности, Адам Барроуз подчеркивает: «После Первой мировой войны международная роль Великобритании в управлении и манипулировании перекроенными картами и пересмотренными лояльностями Ближнего и Дальнего Востока становится предметом споров в английской прессе. <...> Пресса на протяжении 20-х годов проявляет ответственную позицию, раскрывая неприглядные последствия того, что английский капитализм творил по всему миру, а также привлекая внимание к неприятным и неудобным фактам расового насилия, спровоцированного Великобританией» (Barrows, 2013, p. 237-242).

К числу подобных ответственных, не страшщихся «свидетельствовать» журналистов относился муж автора «Миссис Дэллоуэй» Леонард Вульф. В принадлежавшем ему издательстве “The Hogarth Press” публикуются нелицеприятные материалы о колониальных пространствах, таких как Африка и Индия. Армянский вопрос освещается в анонимной статье, озаглавленной “The People of Ararat”. Отождествляя армян сначала с албанцами, а затем с турками, Вульф имплицитно представляет коллективный взгляд и безразличие «элитных» классов к ключевым геополитическим и этнокультурным вопросам. Если муж Вирджинии Вульф через прессу стремится обозначить несовместимость исконных гуманистических ценностей западной культуры и разрушительных последствий «дикого» капитализма и колониализма, то сама писательница косвенно отражает эти вопросы в парадигме литературы. Миссис Дэллоуэй как прототип коллективного «элитного» класса не интересуется социальной и политической системой послевоенного мироустройства. Между тем персонаж Септимуса Смита, который, будучи не в состоянии преодолеть тяжелейшую послевоенную депрессию, кончает жизнь самоубийством, представляет собой прототип коллективного бессознательного послевоенного общества, изымающего свою травму.

Тема поствоенной травмы представлена в романах Э. Хемингуэя, Д. Лоренса, Э. М. Ремарка и др., главными героями которых выступают представители «потерянного поколения». Травма и посттравматические состояния – центральная тема целого ряда исторических исследований, анализирующих армянский вопрос в конце XIX – начале XX в. Особое внимание уделено в них психосоматическому состоянию армянских детей-сирот, женщин и тех людей, которые смогли выжить после событий 1915 г. Героем одного из таких исследований,

проведенного психиатром С. Р. Куюмджян ("Archeology of Madness: Komitas, Portrait of an Armenian Icon") (Куюмджян, 2001), становится выдающийся армянский композитор Комитас, павший жертвой геноцида армян. Анализируя архивные материалы, Куюмджян постфактум ставит умершему в 1935 г. в парижской клинике Комитасу диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство», вызванное тем обстоятельством, что он стал свидетелем ужасающих сцен насилия (Куюмджян, 2001, р. 1-8). В отличие от Клариссы Дэллоуэй, Септимус Смит, второй протагонист романа, сближается с безымянными «армянами» ее внутреннего монолога, выступая, как и они, жертвой и символом коллективной травмы.

Будучи связанным в своей проблематике по преимуществу с контекстом британской империи, роман «Миссис Дэллоуэй» лишь в отдельных редких случаях выходит за пределы данного контекста. Это происходит, например, при обращении к событиям Первой мировой войны или к теме итальянского фашизма, причем оба этих момента достаточно хорошо изучены (Lopez, 2014; Horan, 2024). Практически не отмеченный исследователями (если не считать давней работы Тейт) пассаж об армянах и албанцах привносит важный уточняющий акцент в наше представление о знаменитом модернистском романе.

Заключение

Делая выводы, хотелось бы отметить, во-первых, что в процессе анализа романа «Миссис Дэллоуэй» нам удалось установить его двойственную природу: будучи парадигматическим произведением европейского модернизма, данный роман своими корнями уходит в викторианскую поэтику и эстетику. Именно с викторианским реализмом связана несомненная тяга к референциальности данного романа, предопределившая появление в нем пассажа о геноциде армян. Во-вторых, удалось показать, что «армянская» тема у В. Вульф выступает отражением актуальной для 1920-х гг. британской дискуссии об «армянском вопросе». Суть и параметры данной дискуссии демонстративно игнорируются главной героиней (отказ от «свидетельствования»), однако отчетливо осознаются на авторском уровне.

В-третьих, удалось продемонстрировать, как «чувствительные» моменты текста, связанные с репрезентацией этнокультурной травмы, предопределяют переводческую политику в русском и армянском переводах, в контексте которой обозначается переводческая позиция свидетельствования (Вульф, 2019) или отказ от такового (ср. переводческую позицию В. Арсена), возможно, как эффект самоцензуры.

Дальнейшие перспективы исследования обозначенной в статье темы могут быть связаны с изучением литературной репрезентации «чувствительных» культурно- и этнополитических тем, таких как геноцид, дискриминация и этнокультурная травма, а также способов передачи данных реалий в переводных текстах, имея в виду принципиальность выбора переводчика как важного регулятора читательской рецепции.

Источники | References

1. Гарбовский Н. К. Перевод как художественное творчество // Вестник Московского университета. Теория перевода. 2010. № 3 (22).
2. Михайлов А. В. Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000.
3. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э. М. – Л.: Наука, 1959.
4. Фокеева М. П. Понятие художественной правды в контексте эстетики травмы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92).
5. Фрейд З. Скорбь и меланхолия. 1917. <http://freudproject.ru/?p=796>
6. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с франц.; общ. ред. и вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
7. Barrows A. Chinese Eyes and Muddled Armenians: The Hogarth Press and British Racial Discourse // Interdisciplinary/Multidisciplinary Woolf / eds. A. Martin, K. Holland. Liverpool: Liverpool University Press, 2013.
8. Bradbury M. The Modern British Novel. L.: Penguin, 1993.
9. Dudwick N. The Case of the Caucasian Albanians: Ethnohistory and Ethnic Politics // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. Vol. 31. No. 2-3.
10. Freud S. Mourning and Melancholia // Freud S. Complete Psychological Works: in 23 vols. L.: The Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis, 1957. Vol. XIV. On the History of the Psycho-Analytic Movement, Papers on Meta-psychology and Other Works (1914-1916).
11. Galichian R. The Invention of History. L. – Yerevan: IB Tauris, 2009.
12. Herman J. Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence. N. Y.: Basic Books, 1992.
13. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N. Y.: Columbia University Press, 2012.
14. Horan K. Woolf, Will, and the War Bride: Cymbeline and the Figure of Fascist Italy in "Mrs. Dalloway" // Virginia Woolf Miscellany. 2024. Iss. 102.
15. Imranly K. War Against Azerbaijan: Targeting Cultural Heritage (The True Facts about Garabagh). Baku: MFA Republic of Azerbaijan, 2007.

16. Kuyumjian S. R. Archeology of Madness: Komitas, Portrait of an Armenian Icon. Princeton: Gomitas Institute, 2001.
17. Lopez M. J. Community, Exposed Singularity and Death in "Mrs Dalloway" // International Journal of English Studies. 2024. Vol. 24. Iss. 1.
18. O'Neill M. Thunder (and Reckoning) at Wembley: Virginia Woolf's Anti-Imperialist Activism Against the British Empire // Virginia Woolf Miscellany. 2023. Iss. 101.
19. Reiß K., Vermeer H. J. Towards a General Theory of Translational Action Skopos Theory Explained. L. – N. Y.: Routledge, 2014.
20. Rubenstein R. Reading over Her Shoulder: Virginia Woolf Reads "Anna Karenina" // Woolf Editing / Editing Woolf: Selected Papers from the Eighteenth Annual Conference on Virginia Woolf. Denver: Clemson University Digital Press, 2009.
21. Smith A. Virginia Woolf's Mythic Method. Columbus: The Ohio State University Press, 2022.
22. Tate T. Mrs. Dalloway and the Armenian question // Textual Practice. 1994. No. 8 (3).
23. Virginia Woolf and Trauma: Embodied Texts / eds. S. Henke, D. Eberly. N. Y.: Pace UP, 2007.
24. Zwerdling A. Virginia Woolf and the Real World. Berkely – Los Angeles – L.: University of California Press, 1986.

Информация об авторах | Author information

RU**Гаспарян Луиза Ареговна¹**, к. филол. н.**Полубояринова Лариса Николаевна²**, д. филол. н., проф.¹ Институт литературы им. М. Абегяна Национальной академии наук Республики Армения, г. Ереван² Санкт-Петербургский государственный университет**EN****Luiza Aregovna Gasparyan¹**, PhD**Larisa Nikolaevna Poluboyarinova²**, Dr¹ Institute of Literature named after M. Abeghyan of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan² St. Petersburg State University¹ luisa.gasparyan83@gmail.com, ² l.poluboyarinova@spbu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.03.2025; опубликовано online (published online): 04.04.2025.

Ключевые слова (keywords): культурный трансфер; этнокультурная травма; свидетельство; русский и армянский перевод; роман «Миссис Дэллоуэй»; cultural transfer; ethno-cultural trauma; testimony; Russian and Armenian translation; novel "Mrs. Dalloway".